

Анатолий Медведев

Иллюстрация Сергея Дергачева

Розы и оливы

Октябрь выдался на удивление погожим. Полуденное солнце палило как в августе, так что в сиесту старый Лу отдыхал. Он сидел на скамье возле ограды своего цветника и смотрел, как западный бриз гонит пену на камни. Шум прибоя был едва слышен — дом Лу стоял на взгорье метрах в двухстах от моря. Перед домом и скамейкой пролегла проселочная дорога, сразу за ней склон круто уходил вниз, а потом полого тянулся до самой воды. Солнце напрасно пыталось достать старика — его защищала тень оливы. Дерево росло прямо на краю дороги, грунтовка вынужденно огибала витой ствол, и машины здесь едва не скатывались вниз. Впрочем, на юге Италии привыкли к узким улицам и небольшим автомобилям, да и ездили тут только местные, так что пока никто не сорвался. Остальные предпочитали шоссе, которое шло выше и гораздо дальше от берега.

К скамейке подошел одетый как на прием Оскар, толстый и жаркий, сел рядом с Лу, ослабил галстук, смахнул испарину с лысины и сказал со вздохом:

— Все. Считаю, продал.

Лу лениво кивнул.

Оскар достал из карманов пиджака пару банок пива, ловко открыл их одну за другой и протянул одну банку Лу.

— Теплое? — нехотя отозвался на предложение Лу.

— Обижает.

Лу взял пиво, отхлебнул, задумался и с сомнением прищурился на банку.

— Не наше какое-то. Без очков не разгляжу.

— Баварское.

— Дрянь пиво, — тут же заключил Лу. — Лучше бы вина принес.

Оскар утомленно закрыл глаза.

— Лучано, ну что ты врешь? Признай уже, что не все у немцев плохо. Тем более — пиво. Да еще и задарма.

— Пиво — дрянь! — упрямо повторил Лу.

— Да ну тебя, — отозвался Оскар и быстро осушил почти всю банку. Привстал, сорвал с ветки несколько оливок и закусил ими, а косточки выбросил за край дороги.

— Как ты их сырыми ешь? — удивился Лу.

— Привык. Спелость лучше на вкус проверять.

Посидели, помолчали.

— И машины у них дрянь, — решительно сказал Лу. — Шумахер не зря перестал побеждать, когда на «мерседес» пересел. Утром ехала тут одна, черная как сажа, сквозь стекла лиц не разглядеть. Здоровая, что ты... — Лу махнул рукой. — Вот скажи мне, зачем людям такие сараи? Дрова возить? А?

— Другая культура, — философски изрек Оскар. — Зато там холодильник есть.

Лу провел пальцем по запотевшей банке пива и с подозрением взглянул на Оскара.

— Это значит?..

— Ну да, да, — подтвердил догадку Оскар. — Новый сосед приехал. Дом тети Эльзы купить хочет, пивом угостил в честь сделки. Но он не немец, а наш, судья из Неаполя.

— Судья? Судья — это не к добру, — проворчал Лу. — Что он тут забыл? Возле Неаполя местечка не нашлось?

— Значит, не нашлось. Говорит, дочка у него, для нее старается. Надо, мол, ей обстановку сменить.

— Еще хуже. От детей одна морока. Помни мое слово, избалованный городской ребенок нам тут устроит веселую жизнь.

— Ой, да ладно. Тебе так кажется, потому что у тебя своих нет. Вот, вместо того, чтобы твердить, что роза должна быть только одна...

— Это вообще не довод.

— Довод — не довод, а ребенок есть ребенок, — не стал спорить Оскар. — Судья говорит, покой дочке нужен. В Неаполе шумно, а у нас тут тихо. Воздух волшебный. Вон, сколько тетя Эльза прожила, дай бог каждому.

— Это верно, Эльза молодец. Думал, меня переживет.

— Брось, ты вон какой крепкий. — Оскар хлопнул Лу по плечу. — Живи на здоровье.

— И какой в том прок?

— Опять ворчишь? Кстати, зайти, как время будет, к моей старшенькой, розетка у нее искрит. — Оскар на миг задумался и усмехнулся: — А судья хитрый, говорит, я пока на неделю дом сниму, а там видно будет. Понравится — куплю.

— Значит, не купит, — тут же решил Лу.

— Купит... Места-то какие! Обязательно купит, — ответил Оскар с сомнением в голосе, прикоснулся к носу, чтобы не слазить, а потом поднялся и сказал: — Ладно, пойду. Дел полно.

Когда Оскар ушел, Лу вылил пиво на землю, постучал о край скамейки пустой банкой — стряхнул последние капли и нацепил ее на колышек забора.

Лу жил на отшибе, дальше от деревни стояли только парники местных фермеров, сейчас пустующие, два сарая с инструментами, а за ними дом тети Эльзы. Дорога бежала мимо, вилась по уступу вниз, спускалась на пляж, почти терялась в песке, потом снова появлялась и уходила в соседний городок. Лу выкатил из-под навеса старый, как он сам, велосипед и поехал в сторону города. Когда проезжал мимо припаркованного на обочине «мерседеса», плюнул ему под колеса и пожелал им отвалиться.

Вернулся Лу поздно, солнце садилось в облаках, а чайки резали крыльями волну. «Мерседес» теперь оказался за забором, где муж тети Эльзы когда-то ставил «фиат». Чудо немецкого автопрома там едва поместилось и подпирало бампером ворота.

Лу подъехал к своему дому, снял с руля пакет с покупками и замер. На стволе оливы, чуть выше земли, ощерилась содранной корой полоса голой древесины.

— Вот черт! — воскликнул Лу. — Кто же тебя так?

Полоса шла поперек ствола — наверняка машина зацепила. Лу достал из нагрудного кармана очки и внимательно осмотрел повреждение на дереве, даже ощупал пальцами. Покачал головой — нельзя так поступать с оливами, они пользу приносят. Лу утешающе погладил ствол рукой и пошел в дом.

Садовый вар Лу приготовил по старинке: из смолы, воска и граппы, на водяной бане. И таблетку аспирина добавил — хоть деревья и не люди, но бактерии им тоже вредны. Новомодным готовым составам Лу не доверял — бог весть из чего их городские делают. А того бандита, что ободрал ствол, Лу готов был лично поколотить. До того обидно было за ни в чем не повинное дерево, что хоть на стену лезь.

Когда вар загустел, солнце уже зашло. Лу при свете фонарика еще раз осмотрел рану на стволе, повздыхал, стер со щеки нечаянную слезу и аккуратно замазал повреждение варом. Потом обмотал ствол мешковиной, чтобы ничего не мешало заживлению.

— Ты давай, выздоравливай, — прошептал Лу дереву. — А я тебя полью, вон сколько оливок уродилось.

Он протянул к оливе шланг и пустил воду. Сам устроился в кресле на кухне. Смотрел в открытое окно на звезды, слушал шепот моря, дышал ночным воздухом и вспоминал былое. И не заметил, как уснул.

Лу разбудил звонкий детский смех, который доносился из окна. Наверное, хорошо просыпаться на рассвете под счастливый голосок, но если ты немолод и проспал всю ночь сидя, то пробуждение не принесет радости. Лу еле оторвался от спинки кресла и с трудом поднялся — все кости ломило.

В окно было видно, как в луже возле оливы прыгает босоногая девчушка лет восьми в зеленом платье и с копной рыжих волос.

— Ах ты! — скорее хрипло прокаркал, чем крикнул Лу и погрозил в окно кулаком: — Вот я тебе!

Постанывая и чертыхаясь, Лу заспешил на улицу. Затекие ноги слушались плохо, и, чтобы не упасть, ему пришлось держаться за стены и мебель. По пути Лу подхватил веник и вышел с ним наперевес. Только напрасно торопился — пока он добирался, девочка сбежала.

За ночь воды натекло прилично — лужа разлилась во всю ширину дороги, а мешковина на стволе потемнела от брызг.

— Вот чертовка! — воскликнул Лу и сам не понял, что его больше расстроило — то ли мокрая ткань на оливе, то ли безнаказанный побег девочки, то ли зря потраченная вода.

Лу бросил веник в дверной проем, подобрал шланг, из которого все так же била струя, напил сам и подключил его к самодельной системе труб в палисаднике — при таком солнце цветы лучше поливать вечером или с раннего утра.

Весь небольшой участок перед домом тонул в зелени. Розовые кусты оставили свободными только дорожки к калитке и на задний двор да небольшие проходы, чтобы можно было ухаживать за цветами. Чайные розы, флорибунды, а вдоль стен — плетистые, добравшиеся по подпоркам до самой крыши дома. Всего семьдесят два куста, причем не меньше половины — сорта из знаменитого питомника Барни. Часть роз отцвела еще в июне, другие как раз сейчас радовали повторно, а Лу без устали ухаживал за ними круглый год. Вот и сейчас заметил стебелек сорняка и выкопал, потом обрезал лишний побег, за ним второй... Незаметно для себя так втянулся в работу, даже не позавтракал, что какой-то незнакомец застал Лу врасплох.

— Синьор Лучано, я полагаю?

Возле калитки стоял до безобразия опрятный для деревни мужчина и легонько постукивал пальцем по пивной банке на заборе. Лу стало неудобно за это украшение.

— Франциско Росси, — представился незнакомец. — Вчера я взял дом неподалеку и намерен пожить здесь какое-то время. Перейду сразу к делу. Это дерево необходимо спилить. — Он показал на оливу. — Оно мешает проезду.

Лу от такой наглости даже не сразу нашелся, что ответить, только пальцы сами собой сложились в неприличный жест.

— Как я понимаю, это выражение несогласия? — после паузы поинтересовался Франциско.

— Несогласия? Да ты в своем уме, синьор, как тебя там? Это мое дерево! И я не собираюсь его пилить! И не ты ли на него вчера наехал?

— Задел, безусловно, я. Но у меня не оставалось выбора — дорога стала осыпаться.

— Так не ездил бы здесь, раз водить не умеешь! Чему вас в городе учат?

— Водить я умею, — нехорошо прищурился Франциско. — И добиваться своего тоже умею. Бумаги на землю есть? Я имею в виду землю, на которой растет это дерево.

Лу промолчал.

— Значит, нет, — решил Франциско. — Выходит, земля чужая и дерево тоже. И разговаривать надо с другими людьми, в управлении коммуны. Ну что же, так и сделаю. Приедут и спилят.

— Скорее, пошлют тебя куда подальше, — хмыкнул Лу.

— Меня не пошлют, — заверил Франциско.

Лу решил объяснить:

— Послушай, синьор, это не просто дерево. Я его сам когда-то посадил. С женой вместе, каждый по росточку, как символ нашей любви. Видишь, сколько оливок? Ведь оливы, они как люди, не дают потомства в одиночестве, а только в паре. Растут и оплетают стволами друг друга, все равно что семья. Как мы с Розой когда-то. А ты мне его спилить предлагаешь?

— Память о супруге? Что же, понимаю. И даже готов пойти навстречу. Тогда так: ремонт и покраска кузова обойдутся в полторы-две тысячи евро. Я пришлю счет.

Лу задохнулся от возмущения:

— То есть мало того что ты мне чуть дерево не сломал, теперь еще и денег просишь из-за того, что водить не научился?!

— Я даю возможность выбрать, — спокойно ответил Франциско. — Мы договорились?

— Иди ты к черту!

— Значит, не договорились, — решил Франциско.

Визит нового соседа разозлил Лу. Городской хлыщ лез не в свое дело. Все деревенские знали, что эта олива значит для старика, мысль спилить дерево никому и в голову бы не пришла. А тут какой-то чужак в первый же день пытается нагло установить свои порядки. Лу никак не мог успокоиться. И когда во время сиесты по обыкновению отдыхал на скамейке в тени оливы и рядом присел Оскар (на сей раз одетый нормально, а не как на прием), сразу же стал возмущаться:

— Нет, ты смотри, каков нахал! Судья твой. Говорит, оливу спилить надо. А то, что он объехать ее не может, как все нормальные люди, так это не он виноват, а дорога узкая. Городской, одним словом. Не-ет, не приживется он здесь, не наш человек.

Оскар молча выслушал рассказ об утреннем визите, и его реакция Лу не понравилась. Слишком тих и задумчив был Оскар. А когда ответил, у Лу заиграли желваки.

— Отдай ты ему деньги, Лу. Хочешь, одолжу?

— Еще чего! С какой стати?

— Лу, послушай, ведь он прав. Дерево действительно растет на общей земле и мешает проезду.

— Оскар, ты в себе? Кому оно тут мешает?!

— Ну, мне, например...

— Ты сдурел совсем?! Ты же голоштаный рядом бегал, когда мы с Розой его сажали. Когда это оно тебе мешало? Когда ты себе пузо отрастил и тебе ширины дороги стало не хватать, так, что ли?

— У меня солидный живот, — обиделся Оскар. — А мимо оливы разве что твой велосипед проедет. Вот были бы у тебя деньги на машину, ты бы понял...

— А ты мои деньги не считай!

— Было бы что считать. Я тебе помочь хочу, а ты...

— Тоже мне, помощь. Я же вижу, что ты просто боишься, что он теперь дом Эльзы не купит. Так?

— Какая тебе разница?

— А такая!

— Какая?

— Похоже, тебе деньги дороже друзей.

— Ну, знаешь ли. Одно другому не мешает.

— Ну и иди ты со своей помощью!

— Ну и пойдю! А ты еще жалеть будешь, что отказался! — Оскар вскочил, сунул руки в карманы и направился в сторону деревни.

— Вот и иди! Помогальщик! — крикнул ему вслед Лу.

Он еще посидел немного, насупленный и хмурый, как старый ворон, и пошел в дом. По пути с досады пнул ведро воды и зашипел от боли. Лу показалось, что кто-то над ним тихо засмеялся, оглянулся, но никого не увидел. Может, послышалось.

Солнце садилось в море. Багряный горизонт отражался в волнах и раскрашивал их красным и оранжевым. Ближе к берегу вода становилась зеленой, и только на мелководье принимала привычный сине-голубой цвет. Будто радуга за день так устала, что прилегла отдохнуть на волны. Лу расположился на скамейке и любовался красками. Он давно привык к таким закатам и не обращал на них внимания, как на что-то само собой разумеющееся. Как на свежий воздух, невысокие горы за спиной, землю под ногами. Но иногда вдруг Лу оглядывался и думал: «Как же здесь красиво! Повезло же мне».

Он засмотрелся на море и не заметил, как на краю скамейки пристроилась утренняя девочка, все так же босиком и в том же платье. Лу услышал тихий вздох сбоку и осторожно повернул голову, боясь нарушить красоту момента. Девочка забралась на скамью с ногами, обняла ободранные колени и, приоткрыв рот, восторженно смотрела на закат. Лу не стал ей мешать, хотя мысль схватить хулиганку и наказать за утренний переполох мелькнула. Но он оставил это на потом. А едва наступила темнота, девочки и след простыл. «Вот чертовка, ловкая какая», — невольно восхитился Лу.

Утром Лу проснулся поздно. Когда вышел из дома, уже вовсю грело солнце, а в палисаднике, возле одной из распустившихся поздних роз, замерла девочка. Она с закрытыми глазами уткнулась носом в цветок.

— Только не рви, — сказал Лу.

От его голоса девочка взвилась и, похоже, еще в воздухе начала перебирать ногами, чтобы пуститься наутек.

— Да не бойся ты, не обижу! — воскликнул Лу.

А девочка с ходу перемахнула через забор, моментально спряталась за оливу и, только оказавшись в безопасности, осторожно выглянула из-за ствола. Словно дикарка какая-то. Лу почувствовал себя неловко — так напугал ребенка.

— Ты ведь дочка Росси? — спросил Лу. Не дождав-
шись ответа, продолжил: — Тебе роза понравилась?
Хочешь, срежу? Только рвать не надо.

— Не хочу, — отозвалась девочка.

— Понимаешь, если ее срезать над почкой, она даст
побег. А если сорвать, то может ничего не получиться.

— Не надо. Пусть растет.

— Ну, как хочешь, — сказал Лу и задумался, как бы
продолжить разговор. — Это моя жена розы посадила,
ее так и звали, Роза. Правда, с тех пор все кусты я уже
не по одному разу поменял. А тебя как зовут?

Лу показалось, что девочка не хочет отвечать, и
спросил:

— Не называть же тебя синьорина Росси?

— Лучше — Розы... — нерешительно предложила
девочка.

— Тоже Роза? Надо же, мне везет. А меня Лу.

— Я знаю.

— Вот и познакомились.

На детском личике отразилась какая-то внутренняя
борьба.

— А ты будешь еще лужу делать? Мне нравится лужа.

— Сегодня не планировал, — растерялся Лу.

— Сделай лужу, пожалуйста, — серьезно попро-
сила Розы.

— Ну, если только вечером.

— Хорошо, я согласна, — сказала Розы и спряталась
за ствол.

Лу почесал в затылке, задумчиво хмыкнул и отпра-
вился умываться. Настроение отчего-то поднялось, Лу
даже стал насвистывать простенькую мелодию. А после
завтрака он заметил Оскара возле оливы. Оскар то
наклонялся к дороге, то разгибался и что-то бормотал
под нос. При этом он пыхтел и отдувался как паровоз.

— Ты что там делаешь? — весело спросил Лу. — За-
рядкой решил заняться, живот убрать?

Оскар оглянулся. Бросил грубо:

— Тут и двух метров нет.

— Чего?

— Дорога, говорю, слишком узкая.

Лу сразу помрачнел:

— Оскар, ты опять за свое? Оставь уже.

— Не могу. Как староста деревни, я вынужден ре-
агировать на жалобу и расширить дорогу за счет неза-
конных насаждений.

— Ах вон ты как заговорил? А то ты не помнишь, что
тут раньше и дороги-то не было, тропинка одна?

— Ничего не знаю! — отрезал Оскар. — Видит Бог, Лу,
я хотел договориться по-хорошему, займы предлагал.

— Ты Бога-то в свидетели не зови. Стяжатель-
ство — грех.

— А соседям мешать — не грех? Сегодня дети у
меня заняты, а завтра приду с сыновьями и спилю.

Если раньше Лу казалось, что у них с Оскаром
обычная дружеская перепалка, которая скоро забу-
дется, то сейчас он понял, что все серьезно — Оскар
закусил удила.

— Оскар? Я же тебя с пеленок знаю. Никогда тебе
это дерево не мешало. Неужели ты на самом деле так
 поступишь?

— Да. Все по закону, — торжествующе ответил
Оскар, щелкнул рулеткой и не оглядываясь зашагал к
деревне. Лу буравил ему спину взглядом, пока толстяк
не скрылся за поворотом.

— Что хотел этот человек?

Лу вздрогнул от голоса. Розы незаметно оказалась
рядом.

— Ты что, специально сандалии не носишь, чтобы
подкрадываться тихо, как мышь?

— Нет.

Лу понял, что подробностей не дождется.

— Этот человек хочет спилить мою оливу.

— Твою оливу?

— Да.

— А почему она твоя?

— Потому что я ее посадил.

— Оливу пилить нельзя, — твердо сказала Розы.

— Правильно говоришь. Поэтому придется по-
работать.

Лу выкатил велосипед из-под навеса, вынес оттуда
садовый инструмент, ведра и прочие вещи и стал раз-
бирать постройку. Ломать — не строить, справился за
час, несмотря на возраст.

— А что ты делаешь? — спросила Розы. Она, об-
хватив коленки, сидела на теплой плитке дорожки и
наблюдала за Лу.

— Я-то? Готовлю строительный материал, чтобы
расширить дорогу. Ну-ка, посторонись, — попросил Лу
и, когда Розы подвинулась, стал носить доски и столбы.

Столбы он укрепил на склоне напротив самого
узкого места дороги, в метре от края, к ним прибил
доски, а между досками пристроил черепицу с крыши
навеса, чтобы не оставалось больших щелей и земля
не просыпалась. Получился крепкий щит от обвалов.
Розы помогала — подавала гвозди, черепицу, а потом
раскладывала в получившемся между ограждением и
склоном промежутке дерн и грунт, который Лу подвозил
на тачке. Солнце жарило, Лу истекал потом и едва не
валился от усталости — держался только на упрямстве,
а Розы бегала босиком по свежей земле, утрамбовыва-
ла ее пятками и задорно смеялась.

— Совсем старый стал. Лет десять назад сам бы
управился, а сейчас без тебя не обойдусь, — шуточно
заметил Лу.

В самый разгар работы показался Франциско, по-
стоял, посмотрел, но ничего не сказал и ушел. Розы от
него спряталась.

Уже вечером совершенно обессиленный Лу сидел
на скамейке и смотрел на результат дневного труда.
Дорога расширилась настолько, что теперь там и «мер-
седес» Франциско мог легко проехать. Главное, чтобы
столбы выдержали.

— Надо будет еще подпорки поставить и цементом
залить, — вслух заметил Лу.

— Там скоро корни прорастут. Они удержат. — Роза опять появилась бесшумно. Чумазая от земли, но очень серьезная. — Ты обещал сделать лужу.

— Ох, и правда... — Лу покряхтел, поднялся, держась за поясницу. — Только я ее в другом месте сделаю, а то, боюсь, нашу работу смоет.

— Нет. Сделай здесь. Землю не смоет, я прослежу. Ты обещал, — повторила Роза.

Лу с сомнением посмотрел на нее, но шланг принес. Потекла вода, и Роза еще долго носилась по луже туда-сюда, брызгалась и шлепала босыми ногами.

На следующий день явился Оскар с двумя сыновьями.

— Думаешь, это все? — Оскар хмуро осмотрел свежую насыпь, осторожно встал на нее и попрыгал для проверки. — А если не выдержит?

— Выдержит, — заверил Лу. — Теперь любая машина проедет. Здесь даже шире получилось, чем дальше по дороге.

Они стояли у обрыва, а сыновья Оскара — здоровые лбы — топтались возле своего пикапа, в кузове которого лежали бензопила и топоры. Оскар что-то буркнул под нос и пнул вниз комок земли.

— Ну хорошо, пусть так, — внезапно согласился Оскар, сорвал оливку и сунул в рот.

— Кончай мои оливки таскать, — строго сказал Лу. — Не заслужил.

— А они не твои, а общие. Земля общественная, — ответил Оскар и демонстративно сорвал еще одну. — Собирать пора. Слышь, ребята, — обратился он к сыновьям, — несите сеть, сейчас обтрясем.

— Оскар, у тебя совсем совести нет? — возмутился Лу.

— Правда, пап, это же дяди Лу олива, — поддержал один из сыновей.

— Поговори мне тут, — ответил ему Оскар. — Дерево общее. Все что на нем, принадлежит тому, кто первый соберет. Я староста, я сказал.

Лу вспомнил, как недавно Франциско интересовался бумагами на землю и спросил:

— А документы у тебя на дерево есть, сказитель?

— Что значит, документы? — не понял Оскар.

— Если оно общее, надо же общественную ответственность хоть в какой-то реестр внести, урожай отметить. А то как с домом Эльзы выйдет. Тебе ее дети наследство доверили продать, а ты небось половину в карман себе намерил, а про аренду вообще забыл им рассказать, — подначивал Лу.

Оскар посмотрел на него пристально и зло, словно на врага, и ответил:

— Будет тебе документ. Идем, ребята.

Они уехали, а Лу тяжело опустился на скамейку — после вчерашнего он еле ходил, и задумался. Олива по праву принадлежала ему, и урожай каждый год Лу собирал сам. Но сейчас не было ни сил, ни времени,

чтобы успеть обобрать до того, как вернется Оскар.

— Почему он хочет забрать себе все? — Роза опять подкралась незаметно.

— Потому что хочет мне досадить и выслужиться перед судьей, — ответил Лу.

— Это неправильно.

— А что делать? В жизни вообще много неприятностей, всего не избежать. Оскара я с детства знаю, очень он не любит, если не по его выходит, прямо изводится весь. Да и жадноват. Конечно, хочется ему нос утереть, хотя бы часть оливок собрать. Но мне даже сидеть тяжело — не справлюсь.

— Хочешь, помогу собрать? — серьезно спросила Роза.

— Спасибо тебе. Соберитогда, сколько сможешь, — не стал отказываться Лу и поднялся, опираясь на забор. — Пойду полежу. Сетка и корзины за домом.

Казалось, он только прилег и закрыл глаза, как раздался автомобильный гудок. Лу застонал, но поднялся и вышел на крыльцо. Сигналил Оскар. Он стоял у пикапа, сунув руку в открытое окно кабины. Сыновья сидели внутри.

— Чего тебе?! — крикнул Лу.

Оскар наконец уgomонился.

— Ты как это сделал? — спросил он. В голосе слышались злость и растерянность.

— Что?

— Когда собрать успел? Нас всего полчаса не было.

Лу посмотрел на оливу. Вышел за калитку и уставился на ветки. Ладно бы, если оливок просто стало меньше, но их вовсе не оказалось среди листьев.

— Так ведь ты последние сожрал, — невозмутимо сказал Лу. — Смотри, как живот вздулся. А ведь обжорство — смертный грех. Грешить много. Сходил бы в церковь, покаяться.

Несмотря на загар, лицо Оскара пошло пятнами, но он сдержался.

— Лучано, если расскажешь, как ты это провернул, я забуду про оливу.

Лу в сомнении смерил Оскара взглядом с головы до ног и обратно.

— Побожись. И помни, клятвопреступление есть ложь, а ложь — это грех.

— Лу! Достал со своими грехами! — Оскар разозлился не на шутку.

— Ладно-ладно, не ори, — сжалился Лу. — Скажу. Роза помогла.

— Что?! Лу, ты издеваешься или в маразм впал?!

— В смысле?

— Розу лет сорок, как похоронили.

— Ну, Оскар, ты совсем дурной. Я про дочку судьи говорю, Розу. Девчонка хоть маленькая, но ловкая.

— Зря ты так, Лу. — Оскар сложил руки на груди. Он весь дрожал от гнева, но старался говорить спокойно. — Мог бы и честно сказать.

— Не хочешь — не верь.

Лу отправился к себе, а Оскар крикнул:

— Девку, что с судьей приехала, Мартой зовут, и этой кобыле лет пятнадцать!

Лу на миг замер, но не обернулся и повернул за дом. Там стояли корзины, полные оливок, а рядом сидела Роза и перебирала плоды, пропуская их сквозь пальцы. Лу опустилсь возле нее на корточки.

— Ты кто? — спросил он. — Дочка судьи?

— Нет.

— Тебя Розой зовут?

Она подумала и ответила:

— Теперь да.

— А раньше?

— А раньше нет.

Больше Лу ничего спросить не успел. Раздался рев бензопилы, к которому тут же добавился звук распиливаемой древесины. Роза закричала тонко и жалобно, словно от ужаса. Лу вскочил (и откуда только силы взялись?) и побежал к оливе. Вылетел за калитку, чтобы увидеть, как дерево наклоняется и, ломая ветки, падает вдоль дороги. Оскар срезал его возле самых корней. Толстяк выключил пилу и торжественно сказал:

— Нет урожая — нет дерева. Не нужны нам в деревне...

Лу врезал ему по скуле. Оскар пошатнулся, но устоял и тут же ответил свободной рукой. Пусть замах был нелеп и попал скорее случайно, но рука у Оскара тяжелая — сбил с ног. Да и много ли надо старику? Лу упал неудачно, стукнулся головой и подняться уже не сумел. Его словно паралич сковал. А Оскар суетился вокруг — чуть ли не подпрыгивал, показывал на Лу пальцем и кричал сыновьям:

— Видели?! Видели?! Он первый на меня напал, я защищался! Будет знать, как на людей бросаться!

Сыновья Оскара перенесли Лу в дом, положили на кровать и ушли. С улицы еще какое-то время раздавались звуки работающей пилы и стук топора — Оскар убирал дерево с дороги и заодно спешил забрать себе дрова, потом послышался шум отъезжающей машины, и наступила тишина.

Лу окончательно пришел в себя и застонал — не от боли, а от утраты. Нет больше их с Розой оливы. И Оскар... Вот уж никогда бы Лу не подумал, что тот способен на такую подлость. Пусть для кого-то эта олива была всего лишь деревом, но для Лу оно значило намного больше. И Оскар знал это! Совсем человеку деньги голову вскружили. Как жить дальше рядом с таким соседом? Как Оскар в глаза людям будет смотреть? Но главное, оливу жалко.

Лу показалось, что рядом кто-то есть, и приподнялся на локтях. Возле кровати, на стуле, сидела Роза. Неподвижная, словно изваяние, руки на коленях, спина прямая. Только полупрозрачная — сквозь тело просвечивала спинка стула. Лу подумал, что у него и правда с головой беда или с глазами что-то случилось, но все же спросил:

— Ты мне кажешься?

— Нет, — еле слышно ответила Роза.

— Ты какая-то ненастоящая. Кто ты?

— Я дриада. Мое дерево погибло, и я не могу быть как раньше. Скоро совсем исчезну.

Лу попытался осознать услышанное. Жизненный опыт говорил, что дриад не существует, но прозрачная Роза пока никуда не исчезала, и это совершенно не укладывалось в голове. Мысли же, что он сошел с ума, Лу гнал прочь. Уж лучше поверить в невероятное.

— Значит, сказки не врут, — наконец произнес Лу. — Откуда ты взялась?

— Как все, от любви. Только я спала. А потом ты меня разбудил, когда лечил.

— Надо же... Мне очень жаль, что так вышло с деревом. Я могу тебе чем-то помочь?

Роза промолчала.

— Но ведь из пня могут появиться побеги? — с надеждой спросил Лу.

— Если у человека отрезать ноги, из них вырастет человек?

— Нет, конечно.

— И я не смогу.

— Чем же тебе помочь?

— Не знаю. Если бы там хоть одна ветка осталась...

— А если... Если я все-таки не сошел с ума и что-то понимаю в садоводстве... Идем. Вдруг получится?

Встать было тяжело и идти тоже. Лу мутило — по-хоже, к усталости добавилось легкое сотрясение мозга. На улице вместо любимого дерева из земли торчал пень, и солнце наконец добралось до скамейки. Несколько дорожек опилок показывали места, где Оскар пилил ствол, повсюду валялись отломанные ветки. Лу подобрал пару веток покрупнее и отнес за дом.

— Нужны две, — пояснил Лу.

Дриада внимательно смотрела, как Лу выкопал в саду небольшую ямку, поместил туда саженцы и присыпал. Один чуть не упал, Роза попыталась его подхватить, но он прошел сквозь руку. Лу сам его поправил, вбил рядом колышек, привязал и полил.

— Вот так, — устало сказал Лу и лег на землю. — Как думаешь, приживется?

— Да. Я помогу. Но росток слаб, и я долго не смогу не спать. — Голос Розы стал едва слышен.

— Ничего, поспи. Я присмотрю, чтобы здесь ему никто не навредил. Тебе это точно поможет?

— Не знаю. И не узнаю, пока не проснусь. Разбудишь меня? Потом.

— Разбужу. А когда?

— Когда появятся оливки. Ты обещал...

— Это будет нескоро, лет через пять в лучшем случае. Дождусь ли? Может, раньше проснешься?

Роза не ответила. Она исчезла, и даже тени от нее не осталось. Да и была ли она, эта странная девочка в зеленом платье, не привиделась ли? Вот только корзины с урожаем стояли рядом, а Лу знал, что нипочем бы и за день все не собрал. И Лу решил ждать. В конце концов, пять лет — не так уж и много, а он еще крепкий. Он обещал.